

ЕЩЕ О Г. МАКСИМЕ ГОРЬКОМ И ЕГО ГЕРОЯХ

Источник: ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: СТАТЬИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА. - Художественная литература, М., 1989.

OCR: Primus, июль 2007.

Рассказы г. Максима Горького обратили на себя общее внимание. О них говорят, пишут и, кажется, все более или менее признают за автором и дарование, и оригинальность тем. Однако "более или менее", и если одни, например, восторгаясь писаниями г. Горького вообще, подчеркивают господствующий будто бы в них художественный такт, то другие -- и, надо признаться, с гораздо большим правом -- утверждают, что именно художественного такта ему и не хватает ¹.

Интересен отзыв литературного обозревателя "Русских ведомостей" г. И -- т ². От почтенного критика не укрылась часто впадающая в фальшь идеализация г. Горьким его излюбленных персонажей. Но мне кажется, что представленная критиком общая схема этой идеализации не совсем верна. Лермонтовская царица Тамара была "прекрасна, как ангел небесный, как демон -- коварна и зла". Такой же контраст между внешностью и внутренним содержанием представляют собою, по мнению критика, и персонажи г. Горького, "только с обратным математическим знаком". Там, где у Тамары стоит плюс, у босяков г. Горького -- минус, и обратно. Внешний облик и, так сказать, внешняя сторона поведения босяков -- безобразны: они грязны, пьяны, грубы, неряшливы, но зато коварство и злоба Тамары заменены у чандалов г. Горького "стремлением к добру, к истинной нравственности, к большей справедливости, к заботе об уничтожении зла". В этом-то контрасте Ю la Тамара навыворот и заключается главный интерес действующих лиц рассказов г. Горького. Чтобы вполне понять мысль критика, надо обратить внимание на его сопоставление босяков г. Горького с героем драмы Жана Ришпена ³ "Le chemineau" *. Ге-

* "Бродяга" (фр.) -- Ред.

рой этот есть "прежде всего рыцарь свободы". Оковы общества, семьи, каких бы то ни было привязанностей к месту, домашнему очагу, одним и тем же впечатлениям, одной и той же страсти -- ненависти ему. Из всех сильных чувств у него постоянно живет только одно -- любовь к передвижениям, к воле, "к простору полей, больших дорог, беспредельных пространств и постоянных изменений". Не сила обстоятельств создала из него блуждающего оборванца, сегодня отдающегося одному занятию, завтра остающегося без дела, полуголодного и бесприютного; но собственной волей он "взял свою судьбу" и сделал из себя бродягу по принципу ("Русские ведомости". N 170). Эту черту мы знаем и в чандалах г. Горького; и им, как мы видели в прошлый раз, не "силою обстоятельств" -- по крайней мере эти обстоятельства остаются в тумане, -- а каким-то внутренним голосом предписано, как Агасферу: ходи, ходи, ходи! ⁴ Но, судя по изложению г. И--т, герой драмы Ришпена (мне она, к сожалению, неизвестна) совершенно чужд другой стороне их быта и психологии -- той стороне, которая ставит их в тесное соприкосновение с "тюрьмами, кабаками и домами терпимости". По словам критика, le chemineau -- не загнанный бродяга, к которому подозрительно относятся лица, вступающие с ним в сношение, не нищий, получающий подаяние и злобою отвечающий на презрение других. Как истинный рыцарь, он благороден, смел и откровенен; двери каждого дома открыты для него, потому что его ум, таланты, выдающиеся достоинства делают из него превосходного работника, общего благодетеля, устранителя зол и надежного покровителя слабых. Не таковы, как мы видели, пьяные, циничные, всеми презираемые герои г. Горького. В связи с этим находится и другое различие: le chemineau гуляет по белому свету бодрый и жизнерадостный, а в босях г. Горького это настроение "заменяется постоянным беспокойством, затаенной тоской, скрытой заботой, находящей исход в пьянстве". В конце концов г. И--т, возвращаясь к контрасту между безобразной внешностью и красивым внутренним миром, говорит, что в отношении этого внутреннего мира герои г. Горького распадаются на три разновидности: в одних преобладает искание истины и невозможность найти ее, в других -- деятельное стремление к водворению справедливости на земле, в третьих -- разъедающий скептицизм. Все это вместе взятое лишает их жизненности и правдивости, хотя и не в такой мере, в какой лишен этих качеств chemineau Ришпена. Таков окончательный вывод г. И--т.

При всем остроумии и соблазнительной законченности этой критики я не могу с ней вполне согласиться. Герои г. Горького много философствуют, слишком много, и в этих их философствованиях,